
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 325/327
ББК 66.4(0),3
К 90

А.Д. Куманьков,
аспирант кафедры истории философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г.Мытищи, тел.: 7-910-639-99-49, E-mail: senyukum@gmail.com

Эволюция концепции справедливой войны в работах М. Уолцера (Рецензирована)

Аннотация. После публикации в 1977 г. работы Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны» теория справедливой войны превратилась в одну из ведущих политических концепций западной философии. Теория справедливой войны развивалась и трансформировалась на протяжении последующих десятилетий. И одним из самых значимых теоретиков этой доктрины оставался сам Уолцер. Анализируя военные конфликты современности, Уолцер предлагает обновить теорию справедливой войны посредством добавления к принципам *jus ad bellum* случаев гуманитарной интервенции и сдерживания режима. Данная статья исследует эволюцию взглядов Уолцера на проблемы *bellum justum*, попытки сделать её более гибкой и объективной.

Ключевые слова: теория справедливой войны, политический реализм, чрезвычайные обстоятельства, сдерживание, гуманитарная интервенция.

A.D. Kumankov,
Post-graduate student of Department of History of Philosophy, the National Research University "Higher School of Economy", Mytishchi, ph.: 7-910-639-99-49, e-mail: senyukum@gmail.com

Evolution of the concept of just war in M. Walzer's works

Abstract. After the publication in 1977 of work of Michael Walzer "Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration" the theory of just war turned into one of leading political concepts of the western philosophy. The theory of just war developed and transformed throughout the next decades. And Walzer was one of the most significant theorists of this doctrine. Analyzing the military conflicts of the present, Walzer proposes to update the theory of just war by means of addition of cases of humanitarian intervention and mode control to principles of *jus ad bellum*. This paper investigates evolution of views of Walzer on problems of *bellum justum*, to make it more flexible and objective.

Keywords: theory of just war, political realism, force majeure, control, humanitarian intervention.

Ставшая настоящей классикой современной политической философии работа Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями» [1] вышла в свет в 1977 году. Об успехе и значимости книги

можно судить хотя бы по тому, что она была переиздана уже четыре раза. Исследование Уолцера было опубликовано вскоре после окончания войны во Вьетнаме, и его появление во многом оказалось обусловленным этим историческим контекстом. «Справедливые

и несправедливые войны» стала знаковой работой, поскольку ее выход обозначил начало эпохи новой актуализации теории справедливой войны, которая, как казалось, давно уже отошла в ведение истории философии. Уолцер же, по-своему интерпретировав и обновив классическую концепцию *bellum justum*, доказывает ограниченность и неприменимость столь популярной в те времена доктрины реализма.

Теория справедливой войны с тех пор превратилась в одну из самых разработанных философских концепций войны. Многие авторы, помимо самого Майкла Уолцера, развивают современную доктрину справедливой войны по обе стороны Атлантики: Пол Кристофер, Ник Фоушин, Брайан Оренд. В начале 2000-х издается специализированный «*Journal of Military Ethics*» — международный журнал, выходящий четыре раза в год, разрабатывающий нормативные аспекты военного дела. Теоретики справедливой войны ищут принципы, благодаря которым применение силы может быть ограничено, ведение войны станет более гуманным, а итогом ее будет надежный мир, таким образом, развивается идея вооруженной борьбы за мир, часто отвергаемая сторонниками доктрины пацифизма [2].

Положения, составляющие ядро теории справедливой войны, остаются неизменными, однако смело можно говорить о существовании не одной, а многих теорий справедливой войны, поскольку концептуальные различия между авторами порой оказываются весьма заметными. Нам же интересно было бы проследить, как менялись взгляды и подходы самого Майкла Уолцера, так как они с течением времени были пересмотрены.

Работа Уолцера, опубликованная в 1977 г., была в некотором смысле революционной, поскольку к XX в. политический вес теории справедливой войны стал крайне невысоким. Концепция справедливой войны как теория сформировалась в трудах Августина Аврелия. В XVII в. Гуго Гроций и Самуэль Пуфендорф использовали принципы

этой теории для концептуализации международного права европейских народов. Однако в дальнейшем развитие современного государства и укрепление государственного суверенитета отодвинули идею *bellum justum* на задний план. Сам Уолцер сравнивает правителей эпохи национальных государств с государями макиавеллианского типа, которые делают то, что им «приходится» делать. Укрепление политического реализма означало временный закат идеи справедливости. Создается впечатление, что Уолцер полагает, будто бы это время (XVII — начало XX в.в.) характеризовалось полным произволом со стороны абсолютных монархов, возвратом к древнеримской максиме *inter arma silent leges* и, как следствие, ведением войн, ничем не ограниченных и не сдержанных. Фактически для Уолцера политический реализм «золотой» эпохи национальных европейских государств сводится к тотальному милитаризму, характерному скорее для феодальных и религиозных войн Средневековья. Созданное Гроцием и Пуфендорфом международное публичное право представляется Уолцеру недействующим, поскольку ради победы могли быть отброшены все ограничения, наложенные на принципы ведения войны. Сторонники реализма оказываются вне этики, поскольку руководствуются исключительно собственными интересами без апелляции к какой-либо универсальной системе ценностей. Истинность этих суждений Уолцера можно было бы оспорить, однако в данном случае нам важно установить позицию автора современной концепции справедливой войны, а не пытаться полемизировать с ним.

Безусловно, Уолцер прав, когда отмечает, что до середины XX столетия *raison d'Etat* затмил идею справедливости; процветание и укрепление государства ставилось выше нравственных ограничений войны.

По мнению одного из ведущих представителей классического политического реализма Ганса Моргентау, политика исходит из того, что общество управляется по законам объективного

права, которые имеют свое основание в человеческой природе. Реализм, как следует из четвертого ключевого принципа реализма Моргентау, различает персональную этику и этику политической активности, которая оценивает действия исходя из их политических последствий. Межгосударственные отношения не нуждаются в этике. Наиболее важная задача политики — свобода и выживание нации, интересы политики стоят на первом месте. Моргентау находит поддержку среди античных и средневековых философов. Понятие интереса в реализме становится ключевым для определения области политического, причем интерес определяется в терминах силы, что позволяет произвести четкое разграничение сфер политики и экономики, эстетики или религии [3].

Однако в середине XX века кризис государства, кризис международных отношений, а непопулярная и проигранная Соединенными Штатами война во Вьетнаме создали условия для появления дискурса справедливости, который до сих пор остается ключевым в политической философии. Именно в это время, на рубеже 60-70-х годов прошлого столетия, стала необходимой выработка критической нормативной теории войны, которая анализировала бы одновременно как условия начала войны, так и принципы ведения боевых действий. В качестве альтернативы теоретикам реализма, таким, как Ганс Моргентау, Рейнхольд Нибур, и Кеннет Нил Уолтц, появляются теоретики справедливой войны [4].

В это же время в США к своему закату приходит философия логического позитивизма. Такие мыслители, как Х. Патнем, Н. Решер и Р. Рорти, возвращаются к традиционному американскому прагматизму, к пониманию и использованию эвристического значения доктрины Пирса не только как методологической, но и как мировоззренческой. Подобные изменения создают благоприятную среду для значительного развития этики, которая не воспринимается более как «псевдопроблема», возникшая вследствие неверного

использования языка. Развитие нормативной политической философии и появление работ Дж. Ролза и Р. Нозика, посвященных проблеме справедливости в государстве, предопределило развитие современной концепции справедливой войны. Теория справедливой войны состоит, согласно Уолцеру, в следующем: «Четко установленные нормы, обычаи, профессиональные коды, правовые постановления, религиозные и философские принципы и обоюдные соглашения, которые формируют нашу оценку ведению войны» [5].

Рассматривая процесс возвращения к жизни критериев справедливой войны, хотелось бы, в первую очередь, отметить статью Йозефа К. Мак Кенна «Этика и война с точки зрения католицизма», опубликованную в 1960 г. в журнале «American Political Science Review». Однако, безусловно, заслуга популяризации теории нравственно ограниченной войны принадлежит Майклу Уолцеру, поскольку его работа «Справедливые и несправедливые войны» была одним из первых масштабных академических исследований по этой теме. Сам Уолцер в сборнике статей «Споря о войне» определяет теорию справедливой войны, в первую очередь, как «идею нравственного подхода к войне как виду человеческой деятельности». Такой подход к войне предполагает особое отношение к миру. Отвергая пацифистскую доктрину, Уолцер полагает, что в нашем мире «война иногда необходима», а следовательно, во-первых, война в некоторых случаях может быть оправдана с точки зрения справедливости и, во-вторых, ведение войны всегда подлежит рассмотрению с точки зрения этики [6].

Согласно Уолцеру, человек по природе своей склонен действовать нравственно, именно поэтому даже на войне не исключается возможность поступать согласно предписаниям этики. Подход Уолцера к этике, которой руководствуется человек во время военного столкновения, оказывается близким к кантовскому понятию нравственной автономии: «Автономия воли есть единственный принцип всех моральных

законов и соответствующих им обязанностей». Суть морального закона заключается в том, что он существует вне зависимости от тех обстоятельств, в которых оказывается человек, и он остается неизменным под воздействием этих обстоятельств. Способность поступать морально исходит из самого человека и не определяется чем-то иным, помимо собственной воли человека. В равной мере по Уолцеру и нравственное начало в человеке причастно всякому моменту его деятельности, а значит, именно оно должно выступать в качестве базисного положения, применяемого для формулирования принципов, сдерживающих войну. Кроме того, такая деонтологическая этика определяет и поведение человека во время войны: несмотря на возможную неудачу, он обязан будет поступить нравственно. Но необходимость нравственного действия коренится, согласно Уолцеру, не внутри самого человека, как это было у Канта, не в разуме, а в некоторых внешних установлениях среды обитания человека. Этическая составляющая теории Уолцера ориентируется в первую очередь на контекстуализм Дж. Дьюи и Р. Рорти. Различая «плотную» этику, исходящую из традиций и институциональных установок каждого народа, и «тонкую» мораль, исходящую из рациональности, претендующую на фундаментальное значение, Уолцер отдает предпочтение первой. Однако именно этическая доктрина, а не католический догмат, как это было у упомянутого Йозефа К. МакКенна, позволяет Уолцеру сформулировать и обосновать принципы *jus ad bellum* и *jus in bello* [7].

Уолцер, исследуя в работе «Справедливые и несправедливые войны» нравственные ограничения, которые могут быть наложены на военное столкновение, ставит агрессию вне закона, понимая ее как акт не только политически, но и юридически нелегитимный. Агрессивная война трактуется как преступное деяние (*criminal act*). И только в двух случаях государство имеет право на применение силы. Речь идет о самообороне, когда государство оказывает-

ся жертвой нападения, и правоохранительной войне (*war of law enforcement*). Таким образом, агрессия и только агрессия может служить справедливым обоснованием для начала войны.

Из этого правила может быть сделано лишь одно исключение. В ситуации, когда война ведется с «правительством, подобным нацистскому», можно преступить через необходимость во всех случаях поступать нравственно, поскольку наибольшее зло будет состоять не в отступлении от морали, а в невозможности свергнуть такое правительство. Этот случай применения *jus in bello* характеризуется обстоятельствами, который Уолцер вслед за Уинстоном Черчиллем называет «*supreme emergency*» [8] — чрезвычайное военное положение. Объявляя Третий рейх «злом, воплощенном в мире», Уолцер заявляет, что в отношении подобного режима нельзя было поступить иначе, кроме как начать бороться с ним силовыми методами и в конце концов уничтожить. Стоит отметить, что данное положение открывает путь для возможной узурпации понятия справедливости. Сверхнеобходимость, о которой говорит Уолцер, может быть легко сформулирована и обозначена и в дальнейшем использована для оправдания права некоторой политической общности не только вести войну, но и развязывать войну. Фактически вводя понятие «*supreme emergency*», Уолцер указывает на своего рода лазейку, позволяющую, не покидая дискурса справедливости, обойтись без критериев теории справедливой войны. Хотя естественно, что для самого автора «Справедливые и несправедливые войны» указанное положение о сверхнеобходимости не отменяет принципов *jus bellum*, но лишь уточняет их.

Во всех прочих случаях война, согласно Уолцеру, может быть оправдана только в тех случаях, когда она оказывается актом защиты права; Уолцер выступает здесь как сторонник легалистской парадигмы. Действительная угроза, а не страх делает войну обоснованной, поэтому возможны упреждающие удары (*pre-emptive strikes*),

---

но никак не превентивные войны (preventive war). Все остальные войны: религиозные, революционные, коммерческие, военные интервенции — не могут быть признаны международным сообществом [9].

Уолцер полагает, что существование международного сообщества независимых государств и подчинение национальных суверенитетов авторитету организации подобного рода должно обеспечить сдерживание войны.

После окончания Вьетнамской войны Уолцер буквально вернул к жизни теорию справедливой войны, основное положение которой заключалось в необходимости согласовывать с нравственным принципом справедливости процесс вступления в войну и способ действия во время войны. Эта концепция стала со временем доминирующей доктриной западной политической философии, однако не превратилась в неподвижную систему, развиваясь и трансформируясь на протяжении последующих десятилетий [10].

Стоит отметить, что на необходимость внесения изменений в теорию справедливой войны для поддержания степени ее актуальности указал и сам Уолцер: «ежущие разногласия, равно как и быстрые темпы политических изменений, время от времени требуют ревизии теории» [11]. Вероятно, именно эта идея подвижности взглядов и отказ от догматичности позволяют концепции справедливой войны на протяжении последних десятилетий оставаться востребованной не только философами, но и политиками.

В одном из последних сборников своих работ — «Споря о войне» [12] Уолцер замечает, что, несмотря на то, что со времен публикации «Справедливые и несправедливые войны» его суждения оставались в достаточной мере последовательными, имела место эволюция во взглядах и аргументации.

В первую очередь, обратившись к анализу массовых убийств и этнических чисток на Балканах и в ряде стран Африки и Юго-Восточной Азии, Уолцер приходит к выводу о необходимости в рамках миротворческой дея-

тельности международного сообщества как можно решительнее использовать военную интервенцию. Гуманитарная интервенция оправдывается тем, что война ведется ради изменения «режима, который ответственен за негуманность» [13]. Речь не идет о том, чтобы полностью отказаться от ограничений, накладываемых на военную интервенцию как метод политического действия, но сама вероятность использования ее в качестве возможного варианта кажется теперь Уолцеру вполне допустимой.

Кризис традиционного государства и появление новых политических форм, сходных по смыслу с тем, что обозначают понятием «бастардного феодализма», когда борьбу за власть ведут вооруженные группировки, заставляют Уолцера высказываться также и в пользу долгосрочной военной оккупации. Естественно, это оккупация, соотношенная с понятием справедливости, которое требует после войны установления режима протектората и попечительства, а также обеспечения условий для национального строительства.

Уолцер развивает и разработанное в работе «Справедливые и несправедливые войны» понятие «*supreme emergency*». В чрезвычайных обстоятельствах, по мнению Уолцера, возможным становится исключительное действие по отношению к врагу: «не только агрессивные войны, которые вел нацистский режим, но также проводимая им политика геноцида привели к легализации требований, во-первых, безоговорочной капитуляции и, во-вторых, политической реконструкции». Борьба с «непомерно великим злом» должна закончиться не только военным поражением противника (капитуляцией), но и его политическим уничтожением: изменением его государственной структуры (политической реконструкцией). Возможно, это неморальный способ действия, однако на него приходится соглашаться, поскольку альтернативный вариант представляется еще большим злом. К традиционным критериям *jus ad bellum* добавляется смена режима.

Однако Уолцер вынужден заметить, что вопрос о политической реконструкции режима крайне сложен, поскольку силы международного сообщества и местные политические силы должны будут не только сместить опасный режим, но и обеспечить послевоенную деятельность по созданию нового демократического правительства [14].

Кроме того, особо стоит выделить необходимость разработки помимо принципов *jus ad bellum*, которые определяют возможность начать войну, и *jus in bello*, **регулирующих поведение** во время войны, критериев *jus post bellum*, которые отвечают за послевоенное устройство и взаимоотношения государств. Работа «Справедливые и несправедливые войны» содержала ряд замечаний, касающихся права *jus post bellum*, однако замечания эти не были в достаточной мере проработанными. По словам самого Уолцера, этот раздел политической философии требует особого внимания в настоящее время, поскольку жизненно необходимо утвердить критерии существования в новом послевоенном мире.

Однако Уолцер не останавливается и на этом. В 2006 г. в журнале «Dissent» вышла статья «Смена режима и справедливая война», где предлагается не ограничивать трансформацию теории справедливой войны, созданием принципов *jus post bellum* **или** развитием идеи смены режима. Уолцер

предлагает совершенно новым образом подойти к проблеме войны и мира, полагая, что «аргумент о *jus ad bellum* должен быть расширен до *jus ad vim*». Фактически Уолцер указывает на необходимость разработки теории справедливой и несправедливой использования силы, которая включала бы в себя и теорию справедливой войны рассматривая иные возможные средства политического воздействия, отличные от войны. Сдерживание как невоенная мера применения силы не сможет сделать несправедливый режим справедливым, но оно превратит его в относительно безопасный режим. Превентивным войнам нет места в теории справедливой войны, однако Уолцер выдвигает идею превентивных действий.

Обновленная таким образом теория войны, более гибкая и объективная с точки зрения принятия решений, нежели стандартная концепция справедливой войны, и должна обеспечить возможность мирного и гуманного решения конфликтов. Без корректировки такого рода теория Уолцера будет служить формальным способом легитимации войны. «Если мы обратимся к силовому сдерживанию жестоких режимов, к коллективной безопасности, мы обнаружим, что способны достичь справедливости без всех этих разрушительных ужасов войны» [15], а в этом и заключается, согласно Уолцеру, цель теории справедливой войны.

Примечания:

1. Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1994.
2. Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. Think now, 2008.
3. McKenna J.C. Ethics and War: A Catholic View // American Political Science Review. 1960. Vol. 54, No. 3.
4. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. McGraw-Hill Humanities, 2005.
5. Niebuhr R. Christianity and Power Politics. Charles Scribner's Sons. 1940.
6. Orend B. The Morality of War. Broadview, 2006.
7. Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995.
8. Rescher N. Methodological Pragmatism: A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Basil Blackwell: University Press, 1977.
9. Walzer M. Arguing about war. Yale University Press, 2004.
10. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. Basic Books, 1977.
11. Walzer M. Regime Change and Just War. 2006. URL: <http://www.dissentmagazine.org/article/?article=663> (дата обращения 10.09.2012)
12. Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. Notre Dame, 1994.

-
13. Waltz K. Man, the State, and War. Columbia University Press, 1959.
  14. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965; Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.

References:

1. Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1994.
2. Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. Think now, 2008.
3. McKenna J.C. Ethics and War: A Catholic View // American Political Science Review. 1960. Vol. 54, No. 3.
4. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. McGraw-Hill Humanities, 2005.
5. Niebuhr R. Christianity and Power Politics. Charles Scribner's Sons. 1940.
6. Orend B. The Morality of War. Broadview, 2006.
7. Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995.
8. Rescher N. Methodological Pragmatism: A Systems-Theoretic Approach to the Theory of Knowledge. Basil Blackwell: University Press, 1977.
9. Walzer M. Arguing about war. Yale University Press, 2004.
10. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. Basic Books, 1977.
11. Walzer M. Regime Change and Just War. 2006. URL: <http://www.dissentmagazine.org/article/?article=663> (дата обращения 10.09.2012)
12. Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. Notre Dame, 1994.
13. Waltz K. Man, the State, and War. Columbia University Press, 1959.
14. Kant I. Critique of practical reason // Kant I. Works: in 6 v. M.: Mysl, 1965; Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Novosibirsk: Novosib. University publishing house, 1997.